

Сергей ИВКИН

Сергей Ивкин родился в 1979 году в Екатеринбурге. Окончил Российский государственный профессионально-педагогический университет по специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные технологии». Работает дизайнером в торгово-производственной фирме русских сувениров. Участник третьего и четвёртого томов Уральского поэтического движения. Дипломант Первого Санкт-Петербургского поэтического конкурса им. И.А. Бродского в номинации «Большое стихотворение». Лауреат премии MyPrize-2018. Автор девяти книг стихотворений. Один из редакторов журнала поэзии «Плавающий мост» (Германия). Член СПР.

Петербургский трилистник

1.

Бабушка продала отцовский аккордеон,
чтобы вывезти ребёнка в Крым.
Самым ярким впечатлением остался
совместный просмотр всем пансионатом
сериала про Шерлока Холмса по вечерам.
На «Сокровищах Агры» наши соседи кричали:
«Смотрите, сейчас свернём с Мойки
на Екатерининский канал!
по правую руку Конюшенное ведомство,
где в Храме Спаса Нерукотворного образа
отпевали убиенного Алексансергеича!!!
по левую – Высшая школа народных искусств
и ризница Иверской иконы Божьей Матери!
впереди, если камеру поднять выше,
мы увидим Храм Воскресения Христова!
однако за тройным мостом
идёт склейка –
мы возвращаемся обратно на Мойку!»

Такая вот советская Темза.
И по спасательному кругу на борту катера
отчётливо читается
«Чайка».

2.

Защищаю его: «Мой хороший,
подаривший мучительный сплин,
перепутавший паззлы матрёшек
в лотерее шекспировских спин,
мы с тобой не пекли каравая,
но делили надежду и страх».
Значит, вывезла жизни кривая
в Петер-пыль, Петер-пух, Петер-прах.

3.

Прошлого уже не существует.
Будущее сделали сейчас.
Обогнули Третью Мировую,

на иных фронтах не мелочась.

Совесть, точно соус на рубашке,
но её обратно отбелит,
Команданте с ликом Чебурашки
(или с ледорубом Айболит).

Что горело в полутёмном детстве,
до сих пор чадит сквозь профнастил.
Не было случайного соседства:
общий грунт нас дрын-травой растил.

Неизменны символы печали,
раз ни счастья, ни покоя нет:
времена на слух не различаем –
двигаемся на запах и на свет.

Андрею Пермякову

Под дорогой был переход.
И когда выходил ты на свет в театральные эти края,
то с фронтона встречал Дон Кихот
с золотым петушком на верхушке копья.

Память не держит того, что внутри,
только много ступенек, фойе и огромный парк,
который, сколько себя я помню, всегда закрыт,
но люди и дети проходят туда и так.

Представляя город, видишь конкретный дом
или двор, или это открытое небо у входа в ТЮЗ.
Всё, что случится с тобой потом:
– Боишься страшного рыцаря?
– Не боюсь.

Станция Товарно-Сырьевая.
Каждый звук идёт, как на таран.
Время прямо в глотки заливаем,
ни на миг не прикрываем кран.

Кособоко чешут грузовозы.
Электрички мелко лебезят.
Я тебе принёс в стакане воздух:
наш плацкарт глазами пить нельзя.

Словно рыбы из ухи, с вопросом

на перрон выглядываем: Ась?
Здесь ли нас одарит папиросой
добрая и праведная власть?

Ничего не бойся, мы ведомы
через фильтры горя и стыда.
Если мы не пригодились дома,
значит, мы сейчас нужны сюда.

Глядя на детскую фотографию, я сейчас
вижу: все уже были теми, кем стали.
Ничего не меняют воспитание и матчасть:
нас разработали из серебра и стали.

Посмотрите на робких девочек: каждый бюст –
клеякий диагноз и выбор мужчин в дальнейшем.
Их никто ещё не касался, но слышен хруст
уязвлённой невинности, гнев превращения в женщин.

Нет ни одной улыбки, но каждый характер – взгляд
вытащил, вывесил предгрозовое знамя.
Насобаченный в похабную жизнь отряд.
Боевые машины, присланные за нами.

Злая готовность – всякую реку вброд,
всякое сердце – вдребезги, всякую душу – в пепел.
Экзоскелеты, покрытые сталью и серебром,
как среди вас оказалась моя златокудрая Пеппи?

Что она делала, стоя плечом к плечу
с мелкими тварями, жаждущими сигнала?
Даже то, что именно я её захочу,
судя по фотографии, она изначально знала.

Имя мне – дым, туман, всевозможная ерунда.
Вьнь моё сердце и прожарь его на мангале.

Имя тебе – Надёжность: ты создаёшь города
и способы взятия их, в идеале.

Имя мне – щебень, разбросанный по дворам.
Вьнь мои лёгкие и разверни парусами.

Имя тебе – Надежда: ты воздвигаешь храм.
Завтра его прихожане разрушат сами.

Имя мне – хохма, за которую бьют в живот.
Вынь мой язык и скорми прилетевшим тварям.

Имя тебе – Отход околоплодных вод:
новую книгу обещающий комментарий.

Имя мне – срамословие, от которого чёрен день.
Вынь мои чресла и приготовь лекарство.

Имя тебе – Закон. Ты – вершитель небесных дел.
Просто убей меня и спокойно царствуй.

Нечего вскользь по ключикалам совести
острой отмычкой скрести –
всё, что дано тебе: снов решето нести,
руки над сердцем скрестить,
в позднем саду зреть опавшие яблоки
в кресле-качалке тоски
да провожать запоздавшие ялики,
словно готовиться в скит.

Нечего в цацках с волшебными знаками
строить куманских сивилл:
правда останется за нумизматами,
как бы историк ни свил
сказку горячую да центробежную,
полную слов и невзгод –
на пластилине останутся бежевом
профиль, корона и год.

Вот и стихи – не птенцы и не отпрыски,
а разлетаются прочь,
будто и вправду их бледные оттиски
могут кому-то помочь.
Воспоминания будут отложены,
буркнут подавшимся к ним:
«С тем же успехом пейзажи Волошина
документируют Крым».